

Запад на пути к неизбежной гражданской войне

Дэвис Бетц — профессор войны в современном мире в Королевском колледже Лондона. Профессор Бетц обсуждает, почему Запад демонстрирует все признаки надвигающейся гражданской войны, которая зашла так далеко, что теперь уже необратима. Подписывайтесь на профессора Гленна Дисена: Substack: <https://glennndiesen.substack.com/> X/Twitter: https://x.com/Glenn_Diesen Patreon: <https://www.patreon.com/glennndiesen> Поддержите исследования профессора Гленна Дисена: PayPal: <https://www.paypal.com/paypalme/glennndiesen> Buy me a Coffee: buymeacoffee.com/gdieseng Go Fund Me: <https://gofund.me/09ea012f> Книги профессора Гленна Дисена: <https://www.amazon.com/stores/author/B09FPQ4MDL>

#Glenn

Добро пожаловать обратно в программу. Сегодня с нами профессор Дэвид Бетц из Лондонского королевского колледжа, чтобы обсудить возможность того, что западные страны могут двигаться к гражданской войне. Большое спасибо, что нашли время.

#David Betz

Я очень рад быть здесь.

#Glenn

Ну, первая мысль, которая у меня возникла, когда я занялся этой темой, была в том, что это, должно быть, очень сложное или неловкое направление исследований для учёного. Ведь всякий раз, когда кто-то обращается к вопросам общественных разделений — будь то между элитами и народом, между этническими или религиозными группами, или между конкурирующими политическими идентичностями — это вызывает напряжение, поскольку ставит под сомнение весь либеральный проект, который, по сути, перестраивает наши общества в течение последнего десятилетия. Так что я могу представить, что это вызывает определённое раздражение.

Я имею в виду, что в Европе у нас часто есть эта одержимость речевыми актами, как вы знаете, — с предположением, что с помощью слов можно создавать новые социальные реальности, например, нормализуя что-то. Таким образом, можно создавать их, говоря о гражданской войне, ожидании насилия, а может быть, даже побуждая людей готовиться к конфликту. И это интересная дилемма. Мне было интересно, сталкивались ли вы с этой проблемой — то есть, с одной стороны, утверждая, что это вопрос, который нужно решать, а с

другой — слыша, что, если вы будете об этом говорить, то, возможно, сами вызовете те самые проблемы, которых хотите избежать. Было ли это для вас проблемой?

#David Betz

Да, так и есть. Это очень распространённая проблема. Я бы сказал, что это на самом деле самая типичная реакция на тезис, который я представил, и именно по тем причинам, которые вы упомянули. В западном сознании — я бы даже сказал, в европейском сознании — глубоко укоренено убеждение в силе речи, способной создавать реальность. Эта идея существует уже давно, но в наши дни она почти полностью доминирует в академической среде и среди политиков, особенно в правительстве. Правительства ведут себя так, будто действительно в это верят, и, без сомнения, именно поэтому они так стремятся ограничивать определённые высказывания.

Ирония в том, что им следовало бы знать — ведь западное общество когда-то знало, — что способ иметь дело с идеями, способ победить идею, если ты считаешь, что её нужно победить, заключается в споре, в представлении более убедительной идеи. Но они отказались от этого, вероятно, потому что у них нет лучших идей. Они на пределе — в аргументации, в экономике, в стратегии и во многом другом. Не могу не заметить, что, глядя на твою книжную полку за твоим плечом, я отчётливо вижу две книги: одна называется «Европа», а другая — «Гибрис». И это, кажется, очень уместная визуальная метафора для нашего разговора.

#Glenn

Да, написано профессором Джонатаном Хасламом, британским профессором. Ну, опять же, когда вы подходите к этой теме, вы делаете это с академической точки зрения. Существует множество исследований о странах, которые постепенно скатываются к внутренним конфликтам и гражданской войне. Раньше я преподавал на кафедре полицейской деятельности, разведки и борьбы с терроризмом, но все наши кейсы по гражданским войнам касались регионов, далеких от Запада. Предполагалось, что гражданская война — это нечто из учебников истории, что-то, что происходило с европейцами. Так как вы это видите, если смотреть на показатели? На что вы обращаете внимание, когда рассматриваете возможность возвращения гражданской войны в Европу? Я также должен добавить, что это беспокойство часто выражают не только политики, но и военные лидеры — особенно во Франции и, в меньшей степени, в Великобритании. Так что же заставляет вас полагать, что Европа, а также Северная Америка могут двигаться в этом направлении?

#David Betz

Да, здесь есть о чём подумать. Прежде всего, я бы сказал, что если говорить об академической литературе по гражданским войнам, то она вовсе не исключает Запад из этой картины, если внимательно вникнуть в детали. Я имею в виду, большинство исследователей в

этой области, безусловно, признают, что нет ничего — ничего, знаете ли, «генетического», — что делало бы Запад невосприимчивым к гражданским конфликтам. Так что, если говорить о спорности того, что я предложил в отношении литературы, это не особенно спорно.

Думаю, существует определённое предубеждение — довольно ленивое предположение, что подобные вещи являются реальной проблемой только для людей, живущих в жарких, пыльных странах, но не для богатых, белых регионов мира. «Сад», как однажды назвал Европу бывший глава Европейской службы внешних связей Жозеп Боррель, — в противоположность «джунглям», где ничего не работает и где гражданские войны представляют собой проблему. Впрочем, это просто предубеждение, если говорить откровенно. Что касается факторов, то, на мой взгляд, есть три наиболее показательных, которые отражают своего рода консенсус, выработанный на основе существующих исследований причин гражданских войн.

Первое — это фракционность. Фракционированное общество — это общество, явно склонное к гражданским конфликтам. Сейчас у нас, по всему западному миру, наблюдаются высоко фракционированные общества. Это, опять же, не вопрос, вызывающий большие споры. Однако я бы добавил, что форма фракционности, которую мы сейчас переживаем по всему Западу — я скажу конкретно о Великобритании, хотя можно упомянуть и другие страны — это не просто фракционность, а особая её форма, чрезвычайно токсичная, известная как полярная фракционность.

Полярный фракционализм — это ситуация, когда люди уже не просто расходятся во мнениях по текущим вопросам — например, по поводу аборт или смертной казни, — где разумные люди могут иметь очень сильные убеждения, но при этом всё же считать себя соотечественниками тех, кто придерживается противоположных взглядов. Полярный фракционализм возникает тогда, когда люди подавляют свои личные чувства по поводу той или иной политики ради того, что, как им кажется, является общепринятым мнением их фракции или племени. И это действительно происходит только тогда, когда люди боятся за свою безопасность.

Когда человек чувствует неуверенность, он ищет поддержку у своих союзников. Ему естественно хочется, чтобы рядом были друзья и единомышленники, и люди обычно реагируют на это чувство, принимая то, что, по их мнению, является общепринятой точкой зрения их группы. Это имеет самоподдерживающийся характер, как и многие другие явления, в зависимости от факторов, о которых я упомяну. Когда такая идея набирает силу, она, как правило, усугубляет существующее фракционное положение, поскольку люди становятся всё более разделёнными, всё более племенными. Возникает ускорение разрыва между группами и усиление напряжённости между ними — если воспользоваться немного марксистской терминологией. Второй важный фактор в литературе о гражданских войнах довольно нейтрально называют «понижением статуса».

Понижение статуса — это ситуация, когда доминирующая, но находящаяся в упадке большинство внутри общества — обычно этнически определённая группа — ощущает, что сталкивается с постоянной утратой своего положения. В этом случае они боятся, например, утраты первенства своего языка как общего языка общества, утраты своих культурных традиций, идеалов, религиозных и культурных символов — того, что в этом обществе прославляется и ценится. Всё это заменяется, а иногда даже целенаправленно уничтожается в рамках осознанных усилий по усилению разделения. Поэтому они опасаются, что теряют своё доминирующее положение во всём обществе — культурно, экономически, юридически, социально и во многих других отношениях.

Более распространённый термин для этого — «замещение» или, если использовать выражение французского философа Рено Камю, «Великое замещение». Ещё совсем недавно это было выражение, которое, если бы его употребили в академической среде, вызвало бы немало удивления и заставило бы многих подумать, что тот, кто его использует, — довольно подозрительная личность. И всё же, надо признать, в академических кругах оно по-прежнему считается проявлением несколько экстремистского мышления. Однако факт остаётся фактом: в Великобритании, по данным одного опроса, по состоянию на апрель 2023 года чуть более 30% населения считают, что подобное явление действительно происходит.

Так называемое «понижение» — это безобидный термин из области социальных наук или литературы, обозначающий явление, которое люди обычно называют «замещением». И эта идея замещения прочно укоренилась в коллективном сознании многих западных стран — включая Великобританию и, как мне кажется, вообще весь западный мир. И на то есть веские причины. Совершенно очевидно и легко подтверждается статистически, что в этих обществах произошла радикальная демографическая трансформация из-за миграции, осуществлённой как проект, продвигаемый элитами, в значительной степени вопреки воле общества — зачастую обманном путём, поскольку ни одна политическая партия, по крайней мере в британском контексте, никогда не выдвигала программу массовой миграции.

Все они обещают низкий уровень миграции, происходящей в строго контролируемом порядке, в соответствии с экономическими потребностями высокоразвитого, высокоиндустриального общества, которое привлекает лучших специалистов со всего мира. Но вместо этого на протяжении почти тридцати лет обе крупные партии обеспечивают уровень чистой миграции, который в основном — и в подавляющем большинстве случаев — состоит из низкоквалифицированных мигрантов, что в пересчёте на душу населения является экономическим регрессом. Поэтому люди чувствуют, что их положение ухудшается или что их заменяют, и у них есть веские основания так думать. А это, в свою очередь, становится очень мощным фактором, ведущим к гражданскому конфликту, потому что люди на это реагируют. Эта идея довольно хорошо описана в научной литературе.

Третий момент вытекает из двух предыдущих — это утрата веры в то, что нормальная политика способна эффективно решать проблемы коллективных действий. Другими словами, можно говорить о кризисе легитимности. Когда говорят, что то или иное государство утратило легитимность, это отражает состояние всей политической системы. Обычно это не партийное заявление, а вопрос восприятия способности системы решать коллективные проблемы так, чтобы люди считали это справедливым и честным. И снова данные ясно показывают, что восприятие легитимности во всём западном мире переживает очень серьёзный кризис. Это можно измерить несколькими очевидными способами.

Один из способов — рассмотреть политические взгляды людей. То, как они выражают свои основные политические установки, очень показательны в этом отношении, потому что наиболее распространённое политическое мнение почти во всём западном мире сегодня на самом деле не является ни левым, ни правым с точки зрения политической ориентации. Это согласие с идеей, что голосование не имеет значения — голосование не имеет значения. И если «голосование не имеет значения» становится доминирующей политической идеей в вашей системе, трудно описать эту систему как обладающую высоким уровнем воспринимаемой легитимности. Никто не согласится с этим утверждением, если считает, что система — ну, и в связанном смысле, когда люди говорят о «единой партии», например, именно это они и имеют в виду.

Они имеют в виду идею о том, что на самом деле не важно, за кого вы голосуете, потому что в конечном итоге тот, кто приходит к власти, просто проводит в жизнь идеи, которые в целом приемлемы для элиты. И в тех случаях, когда взгляды элиты расходятся с настроениями улицы, с массовыми настроениями — а это почти всегда так — побеждает мнение элиты. Есть одно очень важное и, на мой взгляд, весьма показательное исследование, проведённое в США по этому вопросу. В нём рассматривались сотни примеров политических сфер, где мнение элиты отличалось от мнения масс, и задавался простой вопрос: каков был политический результат — по сути, кто одержал верх?

И вывод заключался в том, что почти в 100% случаев элита побеждает улицу. Когда это продолжается несколько десятилетий, люди постепенно начинают понимать, что то, что они считали представительской, избирательной, демократической системой — системой, которая должна работать путём агрегирования политических предпочтений на индивидуальном уровне по всему обществу, определения того, чего хочет большинство, и реализации этого на практике, — на самом деле так не работает. Когда они это осознают, восприятие легитимности исчезает. Похожий способ понять, в чём, как мне кажется, заключается та же самая проблема, или, возможно, её истинная основа, — это измерение уровня доверия.

Доверие — чрезвычайно важное понятие в социологии. Это один из наиболее последовательно изучаемых и измеряемых аспектов общества. И нет никаких споров по поводу того, что во всём западном мире доверие на протяжении десятилетий находится в

долгосрочном упадке — начиная, по сути, с 1970-х годов, а возможно, и раньше. Можно спорить о причинах разрушения доверия, но почти никто не спорит с тем, что оно действительно сильно снизилось. Это видно, например, по результатам опросов, показывающих, что число людей, выражающих доверие политикам — в их правдивость, ответственность перед страной и тому подобное — крайне мало.

Мы говорим о показателях примерно на уровне 10%, иногда меньше. Но и другие институты также сталкиваются с серьёзным падением доверия — будь то судебная система или журналистика. Журналистика тоже находится очень низко в этом списке. Недавняя тенденция заключается в том, что даже профессии или институты, которые раньше сохраняли довольно высокий уровень институционального доверия — такие как полиция, духовенство и медицина — теперь тоже значительно теряют его. Думаю, в контексте нынешнего обсуждения вопрос доверия к полиции особенно важен.

Так что, когда обычные, умеренные люди выражают высокий уровень недоверия к полиции и судебной системе, это тоже важно — очень показательно для, э-э, больного общества, общества, пропитанного, хм, потенциалом для конфликта. Итак, если подытожить, я бы сказал, что с точки зрения научного понимания именно эти три фактора — характерные черты или общие индикаторы гражданской войны — часто выделяются. И в нынешнем западном контексте все они горят ярко-красным. Это не жёлтый, не, знаете, мягкие предупреждающие сигналы. Это очень глубокие красные сигналы того, что всё пошло не так.

#Glenn

Ну, когда речь заходит о гражданской войне, часто предполагается, что она начинается с какого-то обмана или искажения реальности — дезинформации или преднамеренного подрыва доверия. Но в какой-то момент, иногда, отсутствие доверия объясняется просто тем, что политическое руководство больше не заслуживает доверия. Конечно, доверие полезно для общества, но ошибочное доверие может обойтись очень дорого. Поэтому идея, что все должны слепо доверять, тоже не является решением. Однако, похоже, что значительная часть нынешнего недовольства организована вокруг риторики, направленной, например, против так называемых «глобалистов», что подразумевает этих крайне антинационалистических политических элит, принимающих мультикультурализм вместо объединяющей культуры — радикальный секуляризм, который не просто отделяет религию от государства, но и от самого общества, а точнее, от христианства.

Часто кажется, что предпринимается всё больше усилий, чтобы уменьшить роль христианства в обществе. И при всём этом действительно создаётся впечатление, что многое из этого уже давно стало почти структурным. Сэмюэл Хантингтон написал в 2004 году замечательную статью под названием «Мёртвые души» — прошло уже более двадцати лет — в которой он указал, как наши общества начали разделяться. Конечно, он сосредоточился на американском обществе, но ситуация очень похожа и здесь, в Европе. Он отметил, что для среднего

гражданина самым важным было сохранить существующие язык, культуру, религию и национальную идентичность, допуская при этом приемлемые изменения со временем.

Но потом он сказал, что для многих политических элит — тех, кого мы теперь называем глобалистами — единственное, что, казалось, их действительно заботило, это укрепление мировой экономики или поддержка международных институтов. И в целом он отметил, что главный раскол в будущем будет между националистами и космополитами. Конечно, можно использовать другие слова, но это реальное разделение, которое растёт уже довольно давно. Но это поднимает вопрос: если бы вспыхнула гражданская война, кто бы с кем воевал? Как бы это вообще выглядело? Какова была бы цепная реакция? Это было бы противостояние между разными этническими или религиозными группами, между политическими силами? Или между политическими элитами — глобалистами, если угодно — и обществом? Как вы видите вероятный сценарий начала гражданской войны где-нибудь на Западе?

#David Betz

Ну, после периода фракционирования — в котором мы уже находимся, как я и предполагал, — в итоге появятся, по сути, три основные группы. Я не хочу... я не пытаюсь утверждать степень... ну, думаю, всё ещё... эти группы пока не полностью сформированы, но они уже довольно близки к этому, и процесс идёт очень быстро. Есть три основные группы. О первой мы уже говорили. Ты описал их как глобалистов, элиту — речь идёт об элите, с установками, которые можно назвать постнациональными, космополитическими или глобалистскими, как ты сказал.

Ирония здесь, конечно, в том, что это национальные элиты, занимающие руководящие посты в стране, но почти не испытывающие национальных чувств. Их не интересует национальный интерес; они просто не мыслят в таких категориях. Более того, сама идея национального интереса кажется им морально сомнительной — люди, которые о нём говорят, вызывают подозрение. Для этих элит использование подобного языка выдаёт в человеке нечто почти первобытное, что они считают недопустимым. Вы упомянули христианство. Думаю, это почти наверняка ещё один фактор. Вероятно, можно сказать, что это уже постхристианское мировоззрение.

Элита также стала постхристианской — это одна из фракций. Другая фракция — это ненативное сообщество, или, точнее, сообщества, среди которых наиболее значимыми являются новые мусульманские группы, оказавшиеся по сути неспособными к ассимиляции. Они слишком амбициозны, слишком многочисленны и слишком сплочённые, чтобы стремиться к ассимиляции. Кроме того, стоит отметить, что в современной западной культурной и социальной среде мало того, что могло бы их привлечь и побудить к ассимиляции. И, думаю, многие немусульмане могли бы понять подобное отношение. Это справедливое наблюдение.

Но суть в том, что это не поддаётся ассимиляции, и именно это, конечно, подпитывает идею замещения, о которой я уже упоминал. И так, у нас есть элита, есть неносители — относительно недавние приезжие, хотя «недавние» — понятие довольно растяжимое; в большинстве случаев речь идёт примерно о тридцатилетнем периоде, — и есть масса, коренное население, та самая сокращающаяся большинство. Как это будет развиваться? Если понять эти три основные потенциальные стороны конфликта, то становится ясно, что всё, вероятно, перерастёт в противостояние, в котором центральным действующим лицом окажется коренная масса — то, что иногда называют «классом откуда-то».

Это люди, укоренённые в своём месте, которые, несмотря на десятилетия элитных политик, направленных на выкорчёвывание — на разрушение прежних национальных культур, — всё ещё ощущают свою связь с землёй, историей, языком и так далее. Таким образом, первый вектор проходит между массой и элитой, и он примет форму, по сути, крестьянского восстания. Я не употребляю слово «крестьянин» здесь в уничижительном смысле; это подходящее обозначение для восстания, которое по своей сути является консервативным, стремящимся наказать элиту за то, что она изменила правила игры таким образом, который оказывается вредным для большинства населения — для массы, — и который, если воспользоваться уже почти избитым выражением, воспринимается как нарушение общественного договора.

Так что, когда люди говорят о предательстве со стороны своей элиты, именно это отношение они выражают. Я думаю, что в XXI веке, в контексте Западной Европы, это крестьянское восстание, вероятно, примет форму чего-то, похожего на латиноамериканскую «грязную войну». Понятие «грязная война» возникло в литературе, посвящённой изучению хронических, вялотекущих гражданских войн в Латинской Америке. Но его можно, и уже применяли, к таким ситуациям, как Италия 1970–1980-х годов и её «свинцовые годы», конфликт в Северной Ирландии и подобные случаи. Это форма гражданской войны, отличающаяся своей хронической природой — по сути, низким, но постоянным уровнем насилия.

И это насилие обычно принимает форму таких действий, как убийства, похищения, карательные избиения, кампании преследования и тому подобное — как правило, направленные в основном против элит. Классический пример, который многие узнают: вспомните «Красные бригады» в Германии, похищавшие и державшие в заложниках немецких промышленников. То есть речь идёт о подобной активности, которая по сути направлена на то, чтобы наказать элиту — не обязательно заменить её, а заставить выполнять свою элитную функцию таким образом, чтобы массы снова воспринимали это как служение национальным интересам.

Второй вектор — это межплеменной или межэтнический. И в контексте Западной Европы XXI века, на мой взгляд, он, скорее всего, примет форму, главным образом характеризующуюся

противостоянием между сельскими и городскими районами. Появятся очевидные этнические анклав, которые будут становиться всё более концентрированными в крупные массы, и на них начнут оказывать давление — не с помощью, скажем, обычных военных средств, а посредством парамилитарных действий, направленных прежде всего на системы жизнеобеспечения городов, на инфраструктуру, по сути.

Наиболее очевидной и классической формой инфраструктурной атаки в условиях осады является удар по системе распределения продовольствия. Но в контексте XXI века речь идёт о гораздо более широком спектре ресурсов, необходимых городам, чтобы вообще функционировать. К ним относятся прежде всего электроэнергия, газ и транспортные сети — особенно транспортная сеть, обеспечивающая продовольственную логистику. Всё это легко становится целью в современных городских условиях. Это наглядно показывает, как естественным образом устроены наши общества: города зависят от инфраструктуры, находящейся за их пределами и требующей доставки внутрь.

Охранять такие вещи очень трудно. Они сильно рассредоточены. Часто они на самом деле довольно хрупкие, несмотря на большие размеры. И мы не привыкли о них думать, не привыкли их защищать, потому что в нормально функционирующем обществе никому бы и в голову не пришло на них нападать. Понимаете, это ведь... но это придаёт особый вес двум словам: «нормально функционирующее». А вот в аномально функционирующем обществе, где существует вполне логичная стратегическая причина для нападения на такие объекты, сделать это относительно легко — с небольшим числом людей и ограниченными ресурсами. Более того, последствия отключения электроэнергии в городском районе в современном мире могут быть крайне серьёзными, не так ли?

И мы можем — мы знаем это, например, из нашей исторической памяти о серьёзных отключениях электроэнергии, которые происходили в прошлом по сути случайно или по природным причинам. Я имею в виду американские блэкауты 1970-х годов, которые в нескольких случаях привели к массовым грабёжам и общей утрате гражданского порядка в городах. Но также и более недавние случаи, например, лондонские беспорядки 2011 года, которые не были вызваны потерей инфраструктуры, но показали, насколько легко города могут взорваться хаосом, беспорядками и насилием, и насколько трудно полиции справиться с этим и восстановить контроль.

В случае с беспорядками 2011 года полиции потребовалась неделя, чтобы взять ситуацию под контроль. В любой день, вероятно, участвовало около двух-трёх тысяч человек в городе с населением десять миллионов. Из этих двух-трёх тысяч, возможно, двести-триста проявляли серьёзное насилие. Даже это удалось сдержать только через неделю. Теперь представьте ситуацию, когда нечто подобное лондонским беспорядкам 2011 года происходит в каждом крупном городе каждые две недели, но в десять раз большем масштабе. И при этом учтите,

что в случае с Великобританией способность полиции — с точки зрения численности, подготовки и прочего — контролировать такие ситуации к 2025 году фактически снизилась по сравнению с 2011 годом.

#Glenn

Позвольте задать последний вопрос, потому что я... ну, я помню Эрика Хобсбаума. Он писал ещё в начале 1990-х, что весь процесс построения нации, который сделал население однородным — превратил крестьян во французов, а мигрантов в американцев — начал идти в обратном направлении. И это было тридцать пять лет назад. То, что мы видим сейчас в США, конечно, — это все эти опросы, показывающие, что ожидания политического насилия растут почти с каждым годом. Вы упомянули, что ситуация ухудшается, что процесс ускоряется. Это не какой-то незначительный сигнал, о котором стоит беспокоиться — тревожные флаги должны были быть подняты уже давно. Но можно ли всё это повернуть вспять, или мы уже пересекли точку невозврата? Другими словами, вы думаете, что гражданская война действительно может произойти в данный момент?

#David Betz

Да, я так и думаю. Я не считаю, что это можно обратить вспять — если под «обратить вспять» вы имеете в виду полностью избежать. Эта возможность уже упущена. Если бы вы могли изобрести машину времени и вернуться в 2000 год — в британском контексте, возможно, в 2011 или 2012 год, до того, как волна миграции при Борисе привела к притоку десяти миллионов новых людей, — это было бы разумно. Есть один очень важный учёный, Пол Колльер, который написал книгу, изданную в 2012 году, именно поэтому я упомянул этот год, под названием «Исход». Это было исследование последствий массовой миграции для стран-отправителей и стран-получателей — очень взвешенная, вдумчивая книга, в которой он пришёл к простому выводу: массовая миграция — плохая идея.

Он сказал, что это наносит вред как обществам, которые отправляют, так и обществам, которые принимают. По его мнению, вред для принимающего общества проявляется прежде всего через влияние на социальный капитал. Здесь он опирался на то, о чём я говорил ранее — такие вещи, как доверие и легитимность. Это взаимосвязанные понятия. Таким образом, он говорил в основном о влиянии на социальный капитал и во многом опирался на работы известного американского социолога Роберта Патнэма, своего рода патриарха социологии, который также писал весьма критически о разрушающем воздействии разнообразия на социальный капитал.

И мысль Коллиера заключалась в том — и, думаю, я не упрощаю, по крайней мере не несправедливо, — что экономический капитал возникает после социального капитала. Он утверждает, что если вы хотите иметь богатое общество, самое важное — это не нефть, не алмазы, не золото и не что-то подобное. Всё это, конечно, полезно, но самое важное —

высокий уровень доверия. Мы можем найти множество обществ, где есть золото, нефть и алмазы, но они не являются богатыми. Ключевой фактор — это высокий уровень доверия, или социальный капитал.

Таким образом, если массовая миграция, мультикультурализм, официальная политика разнообразия и торжество политики идентичности оказывают на социальный капитал такое же воздействие, какое соляная кислота оказывает на органические вещества, становится ясно, что это не должно было произойти — но это произошло. И теперь последствия этого уже прочно закрепились. Возможно, можно лишь смягчить некоторые эффекты того, что, вероятно, произойдет. Именно к этому я лично призываю правительства — особенно службы безопасности, но также и различные министерства — рассмотреть, что, вероятно, произойдет в условиях гражданского конфликта, и подготовиться к смягчению некоторых из этих последствий.

Однако самое важное с точки зрения смягчения последствий — это сократить продолжительность. Чем дольше это продолжается, тем больше будет ущерб. Так что, коротко отвечая на ваш вопрос, я не думаю, что этого можно избежать. А если избежать нельзя, то лучшее, что можно сделать, — сделать это как можно короче. Если провести аналогию, я бы сказал, что это похоже на зуб с абсцессом, который нужно удалить — никто не захочет, чтобы его вытаскивали медленно в течение двенадцати часов. Нужна быстрая, резкая экстракция. И, как мне кажется, именно в такой ситуации мы сейчас находимся. Политические пути отхода уже упущены. Последствия, по сути, уже наступили. Ситуация будет ускоряться. Людям стоит подготовиться, потому что впереди будет бурная поездка.

#Glenn

Да, это интересно. Ты упомянул Роберта Патнэма, потому что он написал «Боулинг в одиночку», книгу, которую, по моему мнению, нужно преподавать на каждом курсе социологии. Думаю, он пошёл против своих инстинктов, ведь, насколько я понимаю, он скорее либерал, но при этом признал, что более однородные группы или общества, как правило, обладают большим уровнем доверия. И, знаешь, можно даже привести конкретные примеры. Например, если посмотреть на случаи дезертирства во время войн — если воинское подразделение состоит из людей из одной деревни и примерно одного возраста, дезертирств будет меньше просто потому, что между ними формируется более прочная связь. И это немного связано с человеческой природой.

То есть мы воспроизводим группу, а это значит, что мы с большей вероятностью формируем эти узы доверия. И снова, я думаю, что это вывод, сделанный и в книге «Bowling Alone». Это контраргумент всей идее «сила в разнообразии». Чем более разнообразно общество, тем меньше в нём социального капитала — меньше щедрости, меньше доверия. Он также отметил, что меньше и демократии: люди реже голосуют, реже знают своих соседей, реже им доверяют. Так что это довольно любопытно. Но, как мы начали говорить, этот аргумент часто

очень трудно выдвинуть, потому что, как мне кажется, в наших обществах сложились идеологии, в которых существуют определённые истины, которые не следует оспаривать, и многие либеральные политики, такие как миграция, не должны подвергаться сомнению.

#David Betz

Это догма, и она пуста — совершенно пуста, — а доказательства этого абсолютно убедительны. Как вы упомянули, сам Патнэм — идеальный пример этого. Это была не книга «Bowling Alone», от которой он почувствовал необходимость отречься; речь шла о более позднем исследовании, опубликованном, если я правильно помню, в скандинавском журнале в виде обширной статьи, специально посвящённой влиянию разнообразия. Позже он почувствовал необходимость публично дистанцироваться от собственного исследования.

Но, по-моему, то, как он это сделал, было очень интересно, потому что он, по сути, сказал: «В конечном счёте, то, что я обнаружил, вызывает серьёзную тревогу. Но со временем это краткосрочные эффекты, которые будут становиться всё менее и менее проблемой». То есть, возможно, в краткосрочной перспективе происходит утрата социального капитала, но со временем он восстановится. Проблема в том, что за время, прошедшее с тех пор, как он это утверждал — двадцать лет назад — и до настоящего момента, мы наблюдаем противоположное. Мигранты второго и третьего поколения выражают более высокий уровень отчуждения и даже враждебности по отношению к своим формально новым родинам, чем первое поколение.

Так что всё идёт прямо противоположно его заявленным надеждам. Впрочем, исследования на этот счёт совершенно однозначны. Но, как вы говорите, само утверждение этого становится спорным — так бывает, когда выступаешь против любого, э-э, догмата, будь то религиозного или какого-то иного. Хотя в данном случае это действительно приобретает почти квазирелигиозный оттенок, потому что реакция людей на сомнение в этом чем-то напоминает реакцию на святотатство.

#Glenn

Да. Нет, на это не отвечают рациональными контраргументами. Да. Что ж, исследование по Скандинавии — поскольку я живу в Скандинавии — утверждало, что эти страны известны своими государствами всеобщего благосостояния, но в значительной степени это зависело от того, что они были очень однородными обществами. То есть, по мере того как общество становится более разнообразным, все начинают жить, грубо говоря, как в аэропорту. Мы все оказываемся в одном месте с случайными людьми, у нас всё меньше общего, и люди становятся менее склонны отдавать часть своих тяжело заработанных денег тем, кого они не считают частью своей группы, если можно так выразиться. В любом случае, большое спасибо.

Тема немного удручающая, но очень важная для обсуждения. Так что, если люди не согласны, это, по крайней мере, должно сопровождаться рациональными аргументами, а не догмой — как вы сказали, ну, предвзятой догмой. Так что большое спасибо.

#David Betz

Спасибо, Гленн Дисен. Рад встрече с вами.